

ББК Ч 486.21
УДК 378.016:81

М. Т. Терзиева, Е. С. Капинова, И. В. Соколов
г. Бургас, Болгария

Роман «Король Матиуш Первый» Януша Корчака – средство для обогащения литературных знаний студентами педагогических специальностей

В произведениях Корчака находят отражение идеи радикально настроенной польской интеллигенции конца XIX – начала XX вв., обогащенные личностью и восприятием мира человека, сочетающего в себе энциклопедизм педагога, ответственность врача и бескомпромиссную гражданскую позицию писателя. Литературное обучение студентов проходит через следующие этапы: прослушивание лекций о творчестве Януша Корчака; семинарное упражнение, посвященное идейно-эстетическому анализу его основного произведения; заполнение тестовой формы; комментарий полученных результатов.

Ключевые слова: творчество, автор, энциклопедия детства, обучение, эстетический, послание, детство.

М. Т. Terzieva, E. S. Kapinova, I. V. Sokolov
Burgas, Bulgaria

Janusz Korczak's Novel *King Matthew the First* as a Tool for Expanding Students' Literary Knowledge of Pedagogic Subjects

Janusz Korczak's works reflect the ideas of the radical Polish intellectuals of the late 19th and early 20th centuries enriched with the personal experience and worldview of a man who boasted the encyclopaedism of a pedagogue, the responsibility of a doctor and the uncompromising standpoint of a writer. The training unit has the following stages: a lecture about Janusz Korczak's oeuvre; a seminar involving a literary analysis of his major work; a test; feedback and evaluation.

Keywords: creativity, author, childhood encyclopaedia, training, aesthetic, message, childhood.

Детско-юношеская литература предоставляет студентам педагогических специальностей в Университете им. проф. д-ра Асена Златарова в городе Бургасе возможность прикоснуться к параметрам интеллектуальной филологической игры; перестать смотреть на художественные произведения как на инструкцию к действию; уметь осознать нравственные и эстетические послания авторов.

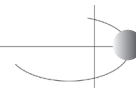
Одним из любимейших славянских авторов, которому уделяется место в лекционном курсе, является Януш Корчак. Этот «реформатор детства» своей жизнью и своим творчеством оказывает влияние на молодых людей, выбравших свою будущую профессиональную реализацию на педагогическом поприще. Сочетая свою литературную деятельность с педагогической, Корчак пишет романы для детей, сатирические монологи, фельетоны, литературные этюды о воспитании, проводит популярные радио- беседы под псевдонимом «Старый доктор». Его исследования позволяют ему заниматься широким кругом деятельности, потому что в определённые моменты своей благородной миссии он действует как этнограф, антрополог и лингвист, который изучает язык детей [3, с. 20–22].

Корчак относится к детям с уважением, а также и с любовью, которая наполняет смыслом его творческие порывы, и он дарит детско-юношеской аудитории такие произведения, как «Король Мати-

уш Первый» и «Король Матиуш на необитаемом острове», своеобразно названные «энциклопедиями детства». Этому способствует гражданская позиция автора, сделавшего выбор своего героя, который готов расстаться с жизнью ради того, чтобы превратить свои мечты о более благоустроенном для детей мире в действительность.

Мировая общественность отдала должное его заслугам как педагогу и реформатору, объявляя 1978 г. Международным годом Януша Корчака. В Польше весь 1985 г. прошёл под знаком чествования его больших заслуг. Значительная часть его идей была заложена в Декларации о правах ребенка, принятой Общим собранием ООН 20 ноября 1959 г. [2, с. 37].

В произведениях Корчака находят отражение идеи радикально настроенной польской интеллигенции конца XIX – начала XX вв., обогащенные личностью и восприятием мира человека, сочетающего в себе энциклопедизм педагога, ответственность врача и бескомпромиссную гражданскую позицию писателя. Особенно большое сочувствие вызывает у читателей история о рождённом до своего времени короле Матиуше Первом. Для автора его герой не просто Первый, а единственный, потому что он подвластен порывам, присущим только благородным характерам, сотканным из света, не знающим компромисса со своей совестью. Его гибель не ставит точку на его

мечтах; неосуществлённость его планов сегодня не значит, что им нет места в завтрашнем дне – это моральная позиция Корчака [1, с. 86]. Матиуш является воплощением его идеала о человеческой личности, которая терпит поражения на пути к намеченной цели, не изменяя себе даже тогда, когда нужно заплатить высокую цену. Точно таким является Корчак – непримиримым и бескомпромиссным как в творчестве, так и в жизни. Благодаря его теме о трагическом, рожденной гибелью мечты и прекрасного, он завоевал право на жизнь в литературе для детей [3, с. 23].

Литературное обучение студентов проходит через следующие этапы: прослушивание лекций о творчестве Януша Корчака – семинарное упражнение, посвящённые об идейно-эстетическому анализу его основного произведения – заполнение примерной тестовой формы – комментарий полученных результатов.

Тестовый модуль имеет следующее содержание:

- указание жанровой формы;
- временно-пространственный модуль произведения;
- стилево-языковые особенности;
- идейная близость в художественных поисках с другими европейскими сказками;
- поиск параллельных мотивов;
- ответ на проблемный вопрос;
- аксиологическая оценка финала.

1. Повествование о короле Матиуше Первом следующее:

- а) диалогия;
- б) трилогия;
- в) тетралогия.

2. Можем ли мы сделать архитектурно-художественную модель мира на основе сюжетных шагов? Свяжите правильно:

- Рай мир взрослых
- Чистилище необитаемый остров
- Ад тюрьма

3. Докажите, что язык придворного окружения Матиуша двуличный. Объясните точное значение слов и фраз:

- министерский кризис –
- дипломатия –

Находите ли вы в них сходство с современностью?

4. Педагогическим тезисом автора является то, что „ребенок такой, какой он есть”. Этот тезис трансформируется в художественную задачу: „Что бы произошло, если бы ребенок был таковым, каким он является?” У каких других писателей вы находите подобный подход? Подчеркните неверный ответ:

- а) Джани Родари;
- б) Корней Чуковский;
- в) Ангел Каралийчев.

5. Почему реформы мальчишка-короля не имеют успеха? Укажите более точный ответ:

- а) герой наивно верит в чистоту человеческих порывов;
- б) не дает себе отчета в незрелости детей и испорченности взрослых;
- в) от него требуют компромиссов, которые он не в состоянии сделать.

6. Критики утверждают, что в повествовании о Матиуше закодировано предчувствие Корчака о его собственной гибели. Которая из оценок самая значимая?

- а) данный мотив роднит его творчество с сокровенной исповедью Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, Ботева;
- б) это превращает его в романтика по мировосприятию;
- в) это делает его первым писателем, который включает исповедь в произведения для детей.

7. Финал произведения состоит в следующем:

- а) житейский провал Матиуша;
- б) нравственная победа его идеала;
- в) крушение его красивой, но беспомощной мечты.

8. Знаете ли вы, что в 1968 г. в Польше учрежден Орден улыбки? Это единственная награда в мире, присужденная детьми взрослым людям. Носителями этой награды являются: Сергей Михалков, Астрид Линдгрэн, Дора Габе. Укажите национальности этих авторов.

Обучение студентов не прекращается с окончанием часов по детской литературе. Оно продолжается в рамках выбранного учащимися обучения иностранному языку, где решаются следующие задачи, имеющие языковой характер:

1. Перевод текста на соответствующий язык и комментарий:

«Ваши Королевские Высочества, я вас поколотил и не взял никаких контрибуций, а сейчас прошу одолжить мне денег. Поэтому не будьте свиньями и дайте взаймы».

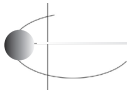
Король Матиуш Первый
Реформатор

Задание: переведите текст и объясните, почему письмо к побеждённым королям является необычайной формулировкой просьбы дать в долг. (Русский, Английский, далее Р. и А.).

2. Объяснение прозвищ, превратившихся в имена нарицательные (Р. и А.).

Докажите путем выбора отрывков из текста, что Матиуш обременен этикетом и условностями, которые завещали предки с громкими именами:

...Матиуш вставал утром в семь часов, сам умывался и одевался, сам чистил обувь и заправлял постель. Такой порядок был введен ещё пра-

дедушкой Матиуша, воинственным королем Павлом Победителем.

...садился завтракать, и завтрак не должен был продолжаться более шестнадцати минут и тридцати пяти секунд, потому что точно столько времени ел его великий дедушка Юлиуш Добродетельный.

...В тронном зале не было печки, потому что прабабушка Матиуша, разумная Анна Набожная, ... чуть не получила удушье неразгоревшимися углями.

3. Укажите (Р. и А.):

– кто из перечисленных авторов является педагогом по образованию, а кто – медиком;

– подчеркните имена славянских авторов.

Арчибалд Кронин, Богумил Ржиха, Селма Лагерльоф, Владислав Ванчура, Десанка Максимович, Рудо Мориц.

4. Игры и игровые задания.

Игра-аукцион (А.)

Цель: Повторение пройденного материала.

Материалы: Рабочие листки бумаги, где написано приблизительно по 20 предложений из пройденного произведения Я.Корчака. Предложения берутся преподавателем из известного студентам произведения. Половина из них должна содержать неверные утверждения автора из этого произведения.

Ход игры:

С учащимися проводится беседа об аукционе. Им задаются вопросы, знают ли они, как проводится аукцион. Затем преподаватель знакомит студентов со словами, которые используются при проведении аукциона.

Далее учащиеся делятся на пары (можно и на небольшие группы), им раздаются рабочие листы, где часть утверждений верна, а часть из них – нет. Каждая пара располагает определенной суммой денег, например в 500 евро. Им необходимо купить правильные предложения, но в рамках только этой суммы. Каждый, кто купит неверное предложение, теряет деньги. Правильное предложение приносит по одному очку тому, кто его купит. Учащиеся предварительно знакомятся с предложениями, написанными на листках, и самостоятельно решают, сколько и какие предложения правильные, и какие из них они готовы купить.

Аукцион начинается с того, что преподаватель читает первое предложение, приглашая «участников» набавлять цену. После того, как торг закончится, объявляется, правильно ли был сделан выбор. Таким же образом продолжается проведение аукциона остальных предложений.

После окончания торга учащиеся исправляют ошибки в неверных предложениях, получая при этом дополнительные очки.

Победителем является та пара, которая собрала наибольшее количество очков.

Примерные предложения:

1. Корчак пишет в своих романах о радикально настроенной польской интеллигенции конца XVIII – начала XIX вв.

2. 1978 год был объявлен Международным годом Януша Корчака.

И так далее...

5. Ролевая игра (Р.)

Инсценировка отрывка из повести-сказки Януша Корчака «Король Матиуш Первый».

Цели:

– на основе сказки о «Короле Матиуше Первом» закрепление и отработка лексико-грамматического материала по темам: «Семья, родственники», «Профессия», «Работа», «Увлечение»;

– развитие диалогической речи на соответствующем иностранном языке;

– развитие коммуникативной компетенции.

Действующие лица:

Старый доктор

Рабочий

Мальчик

Девочка

Мама

Папа

Бабушка

Учительница

Взрослые

Толстуха.

Сценарий:

Старый доктор: Вы все, наверное, читали повесть-сказку польского писателя и педагога Януша Корчака «Король Матиуш Первый» и помните, как детский парламент постановил детям работать, а всем взрослым отправляться в школу учиться. Трудно вообразить, какой поднялся шум, переполох и возмущение, когда стало известно о решении детского парламента.

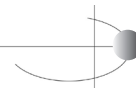
Папа: Беззаконие! Кто дал им право распоряжаться? Пусть занимаются своими детскими делами, а в наши нечего вмешиваться!

Мама: Ну хорошо. Допустим, мы пойдем в школу. А кто будет работать?

Рабочий: Ничего, пусть поработают сами. По крайней мере, увидят, каково это.

Бабушка: Может, оно даже к лучшему. Дети убедятся, что без нас обойтись трудно, и будут больше уважать взрослых.

Старый доктор: Итак, по новому закону дети работают, а взрослые учатся. Неразбериха. Мальчишки хотят быть только пожарными или шоферами. Девчонки – продавщицами в кондитерских или в магазине игрушек. Один мальчик изъявил желание быть палачом, другой – индейцем, третий – сумасшедшим. Дома тоже было много недоумений и ссор, особенно, когда дети передавали свои тетради и учебники.

Мама: Ты испачкал свои книги и тетрадки, а ругать будут меня!

Папа: Ты потерял карандаши, и мне нечем рисовать, а от учительницы попадёт мне.

Бабушка: Ты не приготовила вовремя завтрак, и теперь я опоздаю в школу. Пиши мне записку!

Учительница: Наконец-то мы немного отдохнём. Не станут же взрослые безобразничать! Покажите детям пример, как надо учиться.

Старый доктор: Странное зрелище представлял город: взрослые чинно шагают в школу, а дети деловито спешат на работу.

1-й взрослый (другому взрослому): Ну что? Разве плохо снова оказаться детьми? Помнишь, из-за чего мы с тобой подрались?

2-й взрослый: Еще бы! Я купил перочинный нож, а ты сказал: он не стальной, а железный.

1-й взрослый: Нас с тобой из-за этого в карцер посадили. (Забыв, что они взрослые, стали толкаться и гоняться друг за другом). Смотри, вон «гусыня» идет, помнишь, как она в водку подливала воду, а за селедочный хвост, как за целую селедку с нас брала? Давай подставим ей ножку, а? Мы ведь с тобой теперь сорванцы.

Толстуха: Хулиганы! Вот скажу учительнице, что не даете спокойно перейти через дорогу, она вам задаст!

Старый доктор: Великовозрастные ученики читают, пишут, решают задачки. Всё, как полагаются. И все-таки учительница несколько раз рассердилась за то, что невнимательно её слушают.

Девочка: Дурак. Бреешь. Убирайся вон! Не хочешь – как хочешь! Не воображай! погоди, вот мама придет из школы.

Мальчик: Кончатся уроки – всё папе расскажу, как ты вместо супа на обед подала варенье!

(Родители возвращаются из школы).

Девочка: Мамочка, тебя сегодня спрашивали?

Мальчик: Папа, ты контрольную решил?

Девочка: Бабушка, а ты с кем сидишь? На какой парте?

Папа: Ну, а что ты сегодня делал на работе?

Мальчик: Да ничего особенного. Посидел за письменным столом, потом в окно посмотрел на похоронную процессию. Хотел закурить, но сигарета попалась горькая. На столе у тебя какие-то бумаги лежали, я их подписал. Пришли трое иностранцев – не то французы, не то англичане,

залопотали по-своему, но я сказал, что не понимаю, и они ушли. Пора было пить чай, но чай не принесли, и я весь сахар съел.

Мама: Мне некогда, у меня много уроков. Учительница сказала: взрослым надо больше задавать. Это несправедливо. В других школах больше не задают.

Девочка: А в углу стоял кто-нибудь?

Мама: Стоял.

Девочка: За что?

Мама: На четвертой парте сидели две дамы и весь урок болтали. Учительница два раза сделала им замечание, а они – никакого внимания. Тогда учительница поставила их в угол.

Мальчик: Они плакали?

Мама: Одна смеялась, а другая вытирала слёзы.

Мальчик: А мальчишки к вам приставали?

Мама: Немножко.

Девочка (радостно): Совсем как у нас!

Старый доктор: Когда дети вернулись в школу, учителя, разумеется, не признались им, как хорошо, что они вернулись, и как трудно было со взрослыми. Среди учеников нашлось немало лоботрясов, которые на уроках хихикали, шумели и мешали слушать другим. Старички и старушки мирно посапывали на задних партах. И сколько учительница ни сердилась, ни кричала, с них как с гуся вода, потому что многие оказались глухими. Молодые проделывали со стариками разные шутки, а старики жаловались, что им покоя не дают. Учителя привыкли иметь дело с детьми и предпочитали, чтобы всё было по-старому.

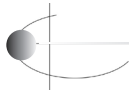
При реализации данного спектакля можно включить героев без реплик, которые будут только с помощью невербальных средств общения «комментировать» все, о чем рассказывает Старый доктор.

Одно из наиболее значимых произведений Януша Корчака стало точкой пересечения поисков методистов в области обучения болгарскому, русскому и английскому языкам. Разработанная система игр и игровых заданий (тестовые задачи, работа с нарицательными именами существительными, развлекательные задания, игра-импровизация и игра-инсценировка) раскрыла нам потенциал творчества польского гуманиста и явилась средством для литературного и языкового обучения студентов педагогических специальностей.

Список литературы

1. Парашкевов П. Автобиографичното в романите-приказки на Януш Корчак. Педагогика, 1995, кн.10, с. 83–87.
2. Рачева Л. Старият доктор. Деца. Изкуство. Книги, 1978. Кн. 3. С. 36–38.
3. Терзиева М. Славянски приказници. Б., Димант, 2001. С.19–23.

Рукопись поступила в редакцию 07. 07. 2011.

УДК 81–13
ББК 81.1В. И. Теркулов
г. Горловка, Украина**Лингвистическая теория: новое измерение глоссематики**

В работе констатируется порочность придуманных классической лингвистикой индульгенций для «необъяснимых» языковых фактов – тезиса об их периферийности и обусловленности не поддающейся объяснению деятельности индивида. Взамен этого предлагается методология неоглоссематики, основанная на совмещении гносеологических техник глоссематики и когнитивно-коммуникативного номинатемного подхода.

Ключевые слова: глоссематика, когнитивно-коммуникативный, номинатема, неоглоссематика, периферия.

V. I. Terkulov
Gorlovka, Ukraine**Linguistic Theory: New Dimension of Glossematics**

The article deals with the cognitive-communicative approaches to the explanation of linguistic facts which traditional linguistic theory could not explain. This approach is based on the new term *nominatema*. New methodology belongs to neoglossematics. A comparison with well-known theories helps to prove that creativity in language has a cognitive-communicative character. *Nominatema* is especially important for the explanation of word-building and lexical nominative process in the Russian language.

Keywords: glossematics, cognitive-communicative, nominatema, neoglossematics, periphery.

Можно констатировать кризис классической лингвистики в том её аспекте, который касается определения истинности полученного знания. Справедливы слова О. Лещака: «Зачастую лингвисты вообще не задаются вопросом о методологической базе своего исследования, полагая, очевидно, что простое строгое следование фактам или традиционным (и оттого кажущимся очевидными, единственно верными и незыблемыми) постулатам обеспечит необходимый уровень “научности” и “объективности” их работы» [13, с. 46]. В ряде случаев, однако, факты не поддаются однозначной трактовке при помощи «традиционных постулатов». Тогда исследователи пытаются создать «индульгенции» для своих теорий, объясняя их неуспешность тем, что:

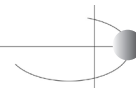
(а) язык – это сложная система, у которой есть центр и периферия; а на периферии отмечаются переходные явления, не подпадающие под действие закономерностей, являющихся обязательными для центра системы;

(б) язык – это антропоцентрическая система; в силу же того, что человек – существо, мало поддающееся систематизации, и язык является лабильной системой, допускающей отступления от правил, мотивированные нестабильностью поведения его носителей.

Мне эти доводы представляются малоубедительными.

(а) Мне непонятно, что такое периферия в системе языка. Этот компонент системы не определен. Я знаю, что периферия в географии – это

глубинка, провинция, в компьютерной технике – внешние устройства, в теории управления – организации или учреждения, не являющиеся центральными органами, находящиеся на местах, не в центре. Что же такое периферия в языке? Создается впечатление, что это некое вместилище всех труднообъяснимых фактов, некая «внесистемная» часть системы. Например, наука не может объяснить существование безаффиксных падежных форм существительного типа *дождь, вод*. Их существование противоречит нашей убежденности в том, что у падежных форм обязательно должны быть окончания. Поэтому наукой и вводится понятие находящегося на периферии языковой системы нулевой (невывраженной) флексии – странного явления, противоречащего самой природе знака, который, как известно, выступает в качестве **материально-идеального** образования, репрезентирующего предмет, свойство и т. д. Флексия является знаком-маркером, указывающим на те отношения, в которые вступает, с одной стороны, реалья, обозначенная глоссой, то есть *реализацией слова в речи*, с другими реальями мира, а с другой – сама глосса с другими глоссами в речевом потоке. Это предполагает, что план выражения флексии является элементом, субституирующим указанные отношения, причём эта способность к субституции и является **сущностью** знака. Если же у знака нет плана выражения, то отсутствует и способность к субституции, и, следовательно, **отсутствует и сам знак**.

Это не смущает учёных – они считают, что отсутствие плана выражения у знака – явление, оправдываемое этой самой таинственной периферией системы. При этом убежденность в существовании нулевых аффиксов основывается только на механистически абсолютизированном принципе подобия: необходимость словоизменительных аффиксов определяется не столько внутренними закономерностями существования системы, сколько необходимостью заполнения парадигматических лагун. Иначе говоря, у глоссы, например, *сон* выделяют нулевую флексию только потому, что флексии есть в формах косвенных падежей этой номинатемы (*сна, сном* и т. д.).

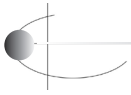
Любая система в любой своей части отражает себя, поскольку основным принципом её существования является её целостность. Система – это «объединение некоторого разнообразия в единое и чётко расчленённое целое, элементы которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места» [9]. Следовательно, если какой-то факт противоречит нашему представлению о системе, виновата в этом не она, а именно наше представление. Если говорить о нулевых флексиях, следует констатировать, что никем не доказано, что флексия действительно является обязательным средством выражения падежного значения глоссы. Более того, что в ряде исследований утверждается, что «на деле падеж и флексия не одно и то же» [14, с. 61]. Когда речь идет, например, о несклоняемых существительных, типа *кофе, пальто* и т. п., нельзя утверждать, что они лишены падежа, поскольку различие падежного значения явно просматривается в разных контекстах их употребления. Например, *кофе* в контексте «*кофе был горячий*» явно употреблена в значении им. пад. ед. ч., а в контексте «*он выпил кофе*» – в значении вин. пад. ед. ч. и т. д. То же можно сказать и о склоняемых именах. Например, падежное значение словоформы *мышь* определяется не через ее парадигматические противопоставления, а через определение её места в синтагме: *нет мышь* (род. пад. ед. ч.), *думал о мышь* (предл. пад. ед. ч.), *приблизился к мышь* (дат. пад. ед. ч.). Следовательно, основанием для выделения падежа в первую очередь является контекст, дистрибуция глоссы. Флексия в этом случае выступает лишь в качестве «избыточного» маркера. Поэтому падежная парадигма имеет вид не парадигмы флективных форм, а парадигмы контекстов, в которых употребляются глоссы, различающиеся падежным значением. А такое утверждение делает факт употребления падежной флексии – фактом, не мотивированным системой. Следовательно, флексия необязательна для системы. Поэтому выведение нулевой флексии – только дань традиции.

Тезис о разграничении фактов центра и периферии языковой системы является, на мой взгляд, ничем иным, как индульгенцией для любой «теории», какой бы абсурдной она ни была, поскольку любое её противоречие можно списать на «периферийность» и «переходность» не поддающихся верификации явлений. Но такой подход ставит под сомнение научность лингвистики. Если можно доказать всё, а то, что не доказывается, объявить переходным и периферийным, то все правы, а значит не прав никто.

(б) Деятельность, психика, физические особенности человека, хоть и действительно сложны, но всё же реализуют некие стереотипы, достаточно чётко, как показали исследования психологов, социологов и т. д., классифицируемые и описываемые. Если какое-то состояние индивидуума выпадает из описанных, например, психологией моделей, она отказывается от признания данной модели правильной и ищет новую модель, адекватно описывающую ситуацию. Лингвистика же в таких случаях просто опускает руки и оправдывает свое существование тезисами о центре и периферии и сложности антропоцентричного языка.

На мой взгляд, нужно отказаться как от первого, так и от второго оправдания. Система языка непротиворечива, а человек, как факт языка, входит в эту систему, обеспечивая гармонию её существования. Просто мы ещё не смогли, отчасти из-за того, что свято верим в «языковедческие индульгенции», осознать эту непротиворечивость. В противовес традиции я стремлюсь творчески осмыслить методологические принципы забытой глоссематики, которая вывела три основных критерия истинности лингвистической теории. Напомню, что это критерии **непротиворечивого, исчерпывающего и простого** описания. Последний становится мерилем окончательного выбора в тех ситуациях, когда две и более интерпретации фактов являются непротиворечивыми и исчерпывающими. В этих случаях именно простота обеспечивает выбор правильной теории: «Если несколько методов представляют в равной степени простые описания, должен быть выбран тот метод, который приводит к конечным результатам путем наимпростейшей процедуры. Этот принцип, выводимый из нашего так называемого “эмпирического принципа”, мы назовём принципом простоты» [11, с. 278].

На мой взгляд, все три принципа абсолютно поддерживают нашу уверенность в возможности одинаковой трактовки тех или иных однотипных языковых явлений. Непротиворечивость теории формирует невозможность формулировок, которые не находят своего воплощения в языковых/речевых фактах. Исчерпываемость предполагает отсутствие фактов, не поддающихся под действие

формулировок. Теория находит своё воплощение и «в центре» системы, и на ее «периферии», и не допускает никаких гибридных явлений, исключений из себя. Обнаружение исключений является сигналом неправильности либо трактовки факта, либо самой теории. Отсутствие исключений позволяет сформулировать теорию с использованием минимального числа аргументов, что и обеспечивает её простоту.

Сомнение вызывает у меня только отсутствие в методологии глоссематики собственно языкового критерия истинности. Перечисленные принципы являются только гносеологическими техниками. На мой взгляд, необходимо отграничить эти техники от того параметра существования языка, который и поверяет правильность пути их использования, становится доминантой выбора из нескольких непротиворечивых, исчерпывающих и простых теорий.

Я считаю, что любое явление будет трактовано правильно, если указанные гносеологические техники, применённые при его трактовке, будут поддержаны непротиворечивостью, исчерпываемостью и простотой его **когнитивно-гносеологического описания**. Как писала Е. С. Кубрякова, «каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрёстке когниции и коммуникации» [12, с. 16]. Иными словами, предтеорией для любого лингвистического построения должна быть когнитивная теория, определяющая базовые параметры процесса и результата означивания. Я провожу описание языковых фактов на базе теории номинатемы как основной номинативной единицы языка. Есть три параметра верификации явления:

место явления в дихотомии «языковая номинация – речевая номинация»;

его участие в тема-рематической интерпретации ситуации;

статус явления в мотивационных процессах (внешняя – внутренняя мотивация).

Такую методологию я называю когнитивной глоссематикой (неоглоссематикой).

Что же такое «номинатема»? Можно констатировать: традиционная лингвистика в основном считает базовой номинативной единицей слово. Однако многочисленные попытки толкования понятия «слово» показали, что как только речь заходит о его определении, многое сразу же становится сомнительным и спорным. Как известно, слово реализовано в эмпирических представлениях говорящих. Эта эмпиричность и является фактором априорного признания первостепенной значимости слова для языка, того, что именно оно считается основной номинативной единицей языка. Традиция предполагает, что слово – это

«живой психологический факт, и он может, **даже вопреки действительности**, представляться как первосущность» [17, с. 94].

Но именно эта эмпирическая «очевидность» слова становится преградой для его полноценной дефиниции. Неслучайно еще в 1925 г. М. Н. Петерсон писал: «Вообще удовлетворительного определения слова нет, да и едва ли можно его дать <...> слово – такое простое понятие, которому нельзя дать логического определения, а поэтому приходится пользоваться простым указанием или описанием» [16, с. 23]. Как видим, в здесь ярко представлено то, о чем писал О. Лещак: абсолютизация слова – это «простое строгое следование фактам или традиционным постулатам».

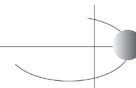
Если же подходить к слову с точки зрения неоглоссематики, следует констатировать, что оно может быть определено только как одно из речевых воплощений номинатемы. Доводы здесь таковы.

1. В базовой номинативной единице должно найти конкретное воплощение глобальное противопоставление **языковой** и **речевой** номинаций. Номинация в этом случае понимается как выбор из возможных модификаций языковой номинативной единицы для реализации интенций конкретной речевой ситуации именованья.

Модель номинации представляется следующим образом. На уровне схемы (модели) и нормы (реестра) существует инвариантная единица, которая реализуется и актуализируется в речи – узусе.

Объединение глосс в лексему традиционно осуществляется на основе методологически необоснованного априорного ограничения реализаций последней только однословными единицами. Как аксиома звучит утверждение о том, что «единица словаря не тождественна словоформе, **но совпадает с ней в протяжённости** (выделено мною. – В. Т.)» [2, с. 69]. Однако даже для словоцентрического подхода это утверждение достаточно противоречиво. Существуют, например, большие сомнения в возможности трактовки как совпадающих по протяженности супплетивных форм слова: **человек – люди, я – меня** и т. д.

Ограничение манифестаций одной номинатемы только словами представляется мне неубедительным еще и потому, что в речи границы семантического тождества единой номинативной единицы преодолевают пределы реестра слов, которые с ней эмпирически связываются в сознании носителей языка. Отождествление языковой «унифицирующей» единицы со словом есть не что иное, как дань эмпирической очевидности слова. Видимо, именно осознанная «недостаточность» словной интерпретации номинативной базы языка привела к тому, что некоторые исследователи

вынужденно приходят к выводу, что «все единицы языка и речи, кроме предложений, обладают только свойством номинативности» [18, с. 133], то есть являются только **реализаторами** номинативной функции. Это позволяет предположить, что ни одна из разновидностей синтагм – слово, сочетание слов, словосочетание – не может считаться её основным носителем. Основная номинативная единица всегда находится на границе между собой и не собой. Она может быть и словом, и словосочетанием, и сочетанием слов. Другими словами, номинативный инвариант должен трактоваться как некая абстрактная сущность, отвлекаясь от своих реализаций, но одновременно с этим представляющая собой то общее, что в той или иной степени в них присутствует.

2. Тема-рематичность предполагает различие исходного знания (концепта) и актуализированного знания. Тема находится на уровне семантического инварианта, а рема – на уровне узуса. Основой тождества номинатемы является тождество его лексического значения, реализованное по схеме: «инвариантное общее значение» – «актуализированное общее значение» («частное значение»). Инвариантное значение номинатемы определяется мною как концепт, в том понимании, которое предлагается Л. П. Бабушкиным, рассматривавшим его «не в виде когнитивных процессов, а в качестве основного содержания тех или иных семем», которые, в сущности, являются «содержанием слова» (в нашей терминологии – номинатемы. – В. Т.) [5, с. 30].

Процесс речевого означивания на базе языкового инварианта всегда имеет вид рематической актуализации последнего в связи с целями номинации. Именно различие целей и формирует лексико-семантическую вариативность. Существует два типа актуализации инвариантного концептуального значения номинатемы в ее лексико-семантических вариантах: семная актуализация с сохранением денотата / референта (денотация), и абсолютизированная семная актуализация с замещением денотата / референта (коннотация).

Сущность денотации состоит в том, что «различные аспекты поведения <...> объекта» [4, с. 87] реализуются в речи в виде «актуального смысла номинатемы», под которым понимается «актуально значимая часть системного значения языкового знака, актуализировавшаяся в данных коммуникативных условиях» [7, с. 14]. Например, значение слова *снег* «вид осадков» может быть реализовано и с актуализацией семы «осадки» («за окном шел *снег*») и с актуализацией семы «требующие особой защиты здоровья человека» («надень шапку – идет *снег*») и т. д.

В тех же ситуациях, «когда слово, не теряя прежней связи с денотатом, получает и новую

связь, с новым денотатом» [6, с. 19], что отмечается, например, в случае сосуществования значений «животное семейства лошадиных отряда непарнокопытных» и «глупец» у слова осел, речь идет о замещении денотата (референта) – коннотации. Как известно, «концепт – это многомерное смысловое образование, имеющее **образное** (фреймовое), описательное (понятийно-дефиниционное) и ценностное измерение» [10, с. 148]. Однако образ «дает знание не об отдельных изолированных сторонах (свойствах) действительности, а представляет собой целостную мысленную картину отдельного участка действительности» [15]. Иначе говоря, образ возникает путем замещения, при котором один из отрезков действительности (в нашем случае – «человек») воспринимается как другой отрезок действительности (в нашем случае – как «животное») целостно – он не в онтологической, но в лингвальной реальности **как бы осел**. Конечно же, образное отождествление осуществляется на основе актуализации семы «глупый», однако это не перенос по сходству, декларируемый семантическим словообразованием, а образное представление одного другим, мотивированное семной актуализацией с замещением денотата.

Семантическое тождество номинатемы поддерживается ещё и её формальным тождеством, выступающим в виде формальной связанности глосс одной. Формально связанные единицы, реализующие семантическое тождество во всех его разновидностях, и будут считаться мною субстантивными разновидностями номинатемы.

3. Явление мотивированности описывается мною с точки зрения тех механизмов, которые обеспечивают акт номинации. Необходимо различать два типа мотивации (мотивированности) – **внутреннюю**, речевую, выступающую как фактор модифицирования единого номинативного инварианта – номинатемы в речи в её глоссах, и **внешнюю**, языковую, выступающую как фактор образования новых номинативных единиц. Именно внутренняя мотивированность глосс одной номинатемы и обеспечивает ее тождество самой себе во всех своих реализациях. Любая глосса номинатемы, актуализирующая в речи инвариантный концепт и находящаяся в рамках формальной взаимосвязанности с другими воплощениями этого концепта, внутренне мотивирована номинатемой. В этом случае номинатема может быть реализована, в первую очередь, в слове, которое в данном случае определяется только как минимальная речевая модификация номинатемы, способная самостоятельно реализовать её инвариантное значение. Кроме слова статус реализации номинатемы может иметь ещё и словосочетание и сочетание полнозначного слова со служебным.

Как известно, «словосочетание служит **конкретным описанием того или иного денотата** (*высотный дом, астрономическое число и т. д.*)» [1, с. 123]. При этом, как писал И. Е. Аничков, «каждое слово сочетается с ограниченным количеством других слов, и в каждом случае границы могут и должны быть нащупаны и установлены» [3, с. 108]. Реестр этих сочетаний определяется особенностями семантики главного слова. Продуцирование словосочетаний имеет в своей основе актуализацию тех или иных семантических множителей последнего в зависимом слове, которое при такой трактовке становится вербализованным компонентом семантики главной лексемы. Например, в словосочетаниях *зелёный сад, сад на окраине, фруктовый сад* и т. п., имеющих тождественный референт, слова *зелёный, на окраине, фруктовый*, указывающие только на различные характеристики этого референта, являются реализаторами семного наполнения семантических множителей «цвет», «местоположение», «конструкты» значения слова *сад* как базовой единицы номинации. Это и позволяет предположить, что указанные словосочетания являются многословными речевыми аналитическими лексико-семантическими вариантами номинатемы *сад*. Другими словами, свободное словосочетание находится в сфере семантического тождества номинатемы со словесной доминантой, потому что его значение представляет собой именно уточнённую семантику исходной лексемы. Это значит, что границы семантического тождества единой номина-

тивной единицы находятся за пределами реестра однословных синтагм, которые с ней эмпирически связываются в сознании носителей языка. Оно имеет статус **аналитического денотативно-го лексико-семантического варианта номинатемы со словесной доминантой**.

Как известно, «служебные слова лишены номинативной функции и относятся к миру действительности через посредничество слов-названий» [8, с. 40]. Но в этом случае мы должны констатировать монолитность номинативной функции сочетания знаменательного слова со служебным. Иначе говоря, предлог, например, *за* самостоятельно не выполняет номинативной функции. Он становится номинативной единицей лишь в сочетании со знаменательной лексемой, например, в сочетании *за домом*.

Если служебное слово самостоятельно или вместе с аффиксом знаменательного указывает на грамматическое значение знаменательного, следует определить сочетание такого служебного и такого знаменательного слов лишь как аналитический грамматический вариант знаменательного слова.

Итак, определение номинатемы в качестве основной номинативной единицы языка полностью подпадает под все приведенные выше принципы неоглоссематики, почему и должно считаться правильным. А формирование методик неоглоссематики должно стать причиной новых дискуссий и диссертаций.

Список литературы

1. Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи // Языковая номинация : Виды наименований. М. : Наука, 1977. С. 86–128.
2. Алпатов В. М. О двух подходах к выделению основных единиц языка // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 66–74.
3. Аничков И. Е. Труды по языкознанию. СПб. : Наука, С.-Петербург. отд-ние, 1997. 511 с.
4. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М. : Учпедгиз, 1957. 296 с.
5. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. 104 с.
6. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. 3-е изд. М. : УРСС, 2004. 408 с.
7. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика : учеб. пособие [для лингвистов]. М. : Высшая школа, 1990. 176 с.
8. Виноградов В. В. О формах слова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1944. Т. 3. Вып. 1. С. 31–44.
9. Губский Е. Ф., Кораблева Г. В., Лутченко В. А. Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 1997. 576 с.
10. Дмитриева О. А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков) : дис ... канд. филол. наук : 10.02.20. Волгоград, 1997. 202 с.
11. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М. : Изд-во ин. лит., 1960. 464 с. С. 264–389.
12. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

13. Лещак О. В. Очерки по функциональному прагматизму : методология – онтология – эпистемология. Тернополь-Кельце : Підручники & посібники, 2002. 255 с.
14. Лукин М. Ф. Единство содержания и формы в категории падежа // Русское языкознание. К. : Лыбидь, 1991. Вып. 22. С. 59-65.
15. Образное мышление // Социально-гуманитарное и политологическое образование. М. : РУДН, 2004. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/70066> (дата обращения 29.04.2011).
16. Петерсон М. Н. Русский язык : пособие для преподавателей. М.; Л. : Госиздат, 1925. 123 с.
17. Пешковский А. М. В чем, наконец, сущность формальной грамматики // Избранные труды. М. : Учпедгиз, 1959. С. 74–100.
18. Солнцев А. В. Виды номинативных единиц // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 133–137.

Рукопись поступила в редакцию 27.04. 2011.